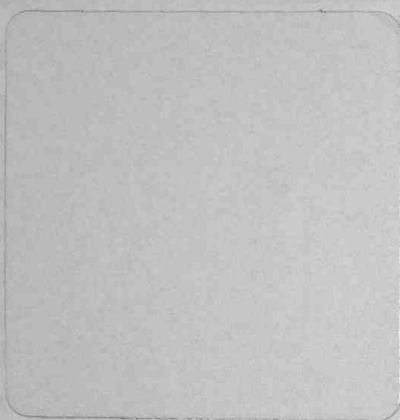

Судьбы литературы русской эмиграции: «третья волна»

Эта зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который — придет время — вольется в общее русло этой литературы.

Г. Струве

Народ — это мы! Долой самозванцев!

А. Ботвинников

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ ЗНАНИЯ

- Помните, кто из русских писателей XIX в. создал известные произведения, находясь за границей.
- Кого из русских писателей принято называть первым эмигрантом?
- Поразмышляйте, имеет ли значение (и если да, то какое), где, в какой стране было создано то или иное произведение русской литературы.

На вопрос о том, какое литературное явление стало главным в конце XX в., можно смело отвечать: возвращение литературной эмиграции. Разными путями оказывались за границей русские (тогда — советские) писатели. Александр Солженицын был насильственно выдворен из страны, Василий Аксенов и Георгий Владимов узнали о лишении гражданства, когда выехали на Запад для чтения лекций, Владимир Войнович, Анатолий Гладилин и Игорь Губерман были поставлены перед решением «компетентных органов» об их срочной депортации, другие имели чуть больше времени на отъезд. Кто-то, как Сергей Довлатов, уехал с одним чемоданом, другие, как Андрей Синявский, получили возможность вывезти обширную библиотеку в несколько тысяч томов.

Всех этих писателей объединило неприятие советской власти. Они жили, окруженные читателями других книг и других писателей. Даже мечтать о свободном с ними соревновании на книжных прилавках будущие эмигранты не могли. Их работы не публиковались в Советском Союзе по идеологическим либо творческим причинам. Когда в 1966 г. состоялся печально знаменитый процесс над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, в последнем слове Синявский заявил: «У меня с советской властью стилистические разногласия». В этом заявлении, конечно, была доля лукавства: идеологических разногласий с господствовавшей идеологией было не меньше. Проблема в другом: стилистических разногласий было достаточно, чтобы власти приняли решение выбросить того или иного писателя за пределы родной страны. Такие действия оправдывались, как ни странно, эстетической теорией советского времени: теорией социалистического реализма.

Дозированность правды и вымысла, ограниченность фантазии, неприятие литературных поисков в области стиля и в целом формы — эти родовые черты своего творчества приверженцы соцреализма демагогически прикрывали верностью социалистическим идеалам, используя принципы и положения «единственно верной» теории как политическую дубинку против «инакомыслящих».

Например, стоило молодым писателям Г. Владимову и В. Войновичу написать правдивые, действительно реалистические произведения о жизни рабочих (излюбленных героев приверженцев социалистического реализма) — «Большая руда» и «Хочу быть честным», как на них обрушились обвинения в очернении передового класса советского общества и в клевете на современные им трудовые будни. Результат подобных политических акций мог быть лишь одним: авторы отлучались от издательств и, соответственно, от читателя.

Многим в те времена казалось, что вся беда — в государственной монополии на издательства и средства массовой информации. Пробиться к читателю «несоветские» писатели могли только двумя путями: 1) переправить рукописи в зарубежные издательства или 2) распространять машинопись из рук в руки.

Первый путь получил название «тамиздат», второй — «самиздат». Надо сказать, что драматичность «самиздата» сейчас даже представить себе нелегко: ведь не было ни компьютеров с принтерами, ни копировальных машин. Об этом — строка «„Эрика“¹ берет четыре копии» в песне Александра Галича.

В. Войнович иронизировал, что социалистический реализм — возможность высказать власти комплимент наиболее понятным для нее способом. «Не вписывающиеся» в рамки «единственно верной теории» писатели один за другим

¹ «Эрика» — популярная марка немецких пишущих машинок, на которых часто перепечатывались произведения, ходившие в «самиздате».

покидали Родину. «На идеологии нельзя экономить!» — утверждали прикормленные советские пропагандисты. Под идеологическую незрелость подводились и мировоззрение писателя, и стилевые эксперименты, и поиски нового героя, и полет писательской фантазии.

Постепенно у гонимых самовлюбленной властью писателей складывалась высокая репутация в читательской среде. За крамольными книгами охотились, выпрашивали у немногих их обладателей, не побоявшихся привезти эти издания из зарубежных командировок или групповых туристических поездок (индивидуального туризма в современном понимании в ту пору не существовало). Знаменитые эмигрантские журналы «Континент», «Грани», «Синтаксис», «Эхо», «Время и мы», «Новый журнал» были тайной гордостью интеллигентских библиотек. В этих условиях было невероятно трудно оценить подлинное место того или иного писателя в русской культуре: единая по языку и образности словесность разделилась на два несоприкасавшихся литературных процесса.

Приведем лишь один пример: известный эмигрантский критик Юрий Мальцев обрушился с упреками в адрес прекрасных советских писателей Юрия Трифонова и Василия Шукшина. Их «вписанность» в литературный процесс метрополии была, пожалуй, главным раздражителем для критика, умного и обычно деликатного, но проживавшего в Италии, т. е. в диаспоре. А ведь и Трифонов, и Шукшин противостояли господствовавшей эстетической системе, создавая свои уникальные художественные миры, обращая читателя — каждый в своей манере — к истине, справедливости и милосердию.

Эмигранты смогли противопоставить государственной монополии на литературу единственно возможную альтернативу — эстетическую. Именно в эмиграции смогли выжить такие неприемлемые для метрополии жанры, как антиутопия, памфлет и эссе. Выдающиеся сатирические произведения Владимира Войновича тоже могли быть опубликованы только за рубежом, и это позволило сохранить русскую сатиру. Ироничный Сергей Довлатов стал культовым писателем конца XX в. только благодаря эмигрантским публикациям.

Удивительная трансформация произошла в эмиграции с Иосифом Бродским. Человек, не окончивший в СССР даже восьмилетней школы, преподавал в крупнейших американских университетах. Ему были посвящены многие литературоведческие работы, с ним оказались связаны новые надежды русской поэзии. Трудно было предполагать, что извечный ленинградский неудачник, перебивавшийся лишь случайными заработками и почти не имевший возможности издавать свои произведения, станет безусловным, абсолютным авторитетом в поэзии, к слову которого будут прислушиваться самые разные люди, сотни тысяч поклонников поэзии во всех концах света.

Первой публикацией стихов Иосифа Бродского на родине стала небольшая подборка в журнале «Новый мир» (1987. № 12). Увы, она не обрадовала Бродского, ибо не была с ним согласована. Однако благодаря этой публикации ши-

рокий читатель смог познакомиться с творчеством нового Нобелевского лауреата. Нобелевская лекция Бродского (так называют речь, которую по традиции читает каждый Нобелевский лауреат) в очередной раз вызвала раздражение советских властей. В ней Бродский поставил в один ряд диктаторов Ленина, Гитлера и Мао Цзедуна.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. были сняты документальные фильмы о жизни и творчестве Бродского, с большим успехом показанные по центральным телевизионным каналам. Двухтомник Бродского издали в Минске, затем пришла очередь солидных прокомментированных изданий, критических и литературоведческих работ, глубоких исследований и монографий, посвященных его творчеству. В этом всплеске интереса к стихам выразились тоска по искреннему чувству и слову, усталость от крикливой публицистичности, вера в божественное предназначение поэзии. Задолго до развала СССР вопросы духовного возрождения страны обсуждались на страницах эмигрантских журналов в атмосфере открытых дискуссий, невозможных в метрополии. Различные точки зрения — нормальная для литературного процесса вещь, но непривычным к этому на родине русским эмигрантам пришлось совершить усилие, чтобы согласиться с этим. Характер дискуссий уже тогда с очевидностью показывал, что историческое развитие России никак не путь в «светлое будущее», к «зияющим высотам» (А. Зиновьев) коммунизма. О будущем России по-прежнему спорили западники и славянофилы, но уже новые западники и новые славянофилы.

В эмиграции выросло поколение критиков, разнившихся своей методологией, но одинаково далеко ушедших от господствовавшего в метрополии «реального направления» (Борис Парамонов, Петр Вайль и Александр Генис и др.).

Эти критики помогали выживать тонкому слою советских интеллигентов в условиях диктатуры. Интеллигент никогда не ассоциирует себя с властью, он — всегда в стороне, а для формирования такой позиции необходима особая образованность, отличная от образованности стандартной. Такие передачи, как «Поверх барьеров», такие журналы, как «Континент», «Синтаксис», «Двадцать два», «Время и мы», выстраивали иную шкалу литературных ценностей, параллельную официальной иерархии «секретарской литературы».

С началом «перестройки» ситуация в эмигрантской литературе изменилась. Открылась давно желанная возможность печататься на родине, оказаться перед судом не литературных чиновников, не партийных идеологов, а русского читателя.

Казалось, что за один-два года поток эмигрантской литературы будет исчерпан, но правильнее было бы сравнить ее с колодезем: чем больше черпали журналы и издательства в перестроенной России, тем больше и больше прибывало рукописей.

Окончание «холодной войны», завершившейся распадом некогда грозного Советского Союза, жестоким образом сказалось на финансировании эмигрантских печатных изданий. Переехав в Россию, знаменитое издательство «Посев», широко издававшее не только художественную литературу, но и журналы «Грани» и «Посев», буквально затерялось среди тысяч новых издательств¹. Нелегкие времена наступили и для других журналов. Например, созданный Владимиром Максимовым журнал «Континент» лишился финансирования со стороны генерального спонсора — немецкого концерна «Шпрингер Ферлаг». Многие эмигрантские издания просто закрывались.

В этих условиях, а также на волне интереса к легендарным именам многие писатели-эмигранты приняли решение о возвращении на родину. Герой автобиографической книги Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда» Михаил Гордеевич Бармин горько размышляет об эмигрантской доле:

«Эмиграция — гетто для побежденных, закон для отступающих, анклав для банкротов. В ней, как на войне или в лагере, в человеке обнажается животное, обращенное своей сущностью к одной-единственной цели — выжить. Отсюда все эти болезненные претензии, эта упорная страсть выдать себя за нечто большее, чем ты есть на деле, эта почти маниакальная подозрительность...»

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

- Что вы знаете о жизни и творчестве А.И. Солженицына? Какие его произведения читали? Выскажите ваше отношение к прочитанному.

В 1970 г. Александр Исаевич Солженицын был удостоен Нобелевской премии по литературе, в 1971 г. издана первая редакция «Августа Четырнадцатого». В результате власти обрушили на писателя новую волну преследований и клеветы. В сентябре 1973 г. КГБ захватывает тайник с рукописью «Архипелага...», после чего Солженицын дает сигнал о публикации книги в «ИМКА-Пресс» (Париж). Первый том выходит в свет в конце декабря, а уже 12–13 февраля 1974 г. Солженицын арестован, лишен гражданства и выслан в ФРГ. До 1976 г. он жил в Цюрихе (Швейцария), затем в Вермонте (США).

Лишь в 1989 г. редактору «Нового мира» С.П. Залыгину удалось после долгой борьбы напечатать «**Нобелевскую лекцию**», а затем отобранные автором главы «Архипелага...» («Новый мир». 1990. № 7–11). С 1990 г. проза Солжени-

¹ На осень 2003 г. в России активно действовали более 6000 издательств, а зарегистрированы и получили издательскую лицензию более 11 000.

цына широко печатается на Родине. 16 августа того же года указом Президента СССР писателю возвращено гражданство.

Но само возвращение далось Солженицыну нелегко. Он настаивал, что прежде него самого в Россию должны вернуться его книги, а первой из книг — «Архипелаг ГУЛАГ», яростное обвинение тоталитарного режима в преступлениях против собственного народа и человечности.

Жанр книги автор определил как «опыт художественного исследования». Воспоминания 227 бывших узников сталинских лагерей, помноженные на трагический личный опыт писателя, — вот что составило основу этого грандиозного по замыслу и масштабу воплощения произведения, запечатлевшего трагический опыт растреления России коммунистическим режимом. После Октябрьской революции народ лишился нравственной основы, а потому идеология тоталитаризма не нашла в народных массах необходимого сопротивления.

Документальная основа книги подчеркивается включенными в ткань произведения стенограммами открытых судебных процессов — этапов воцарения страшной репрессивной системы. Двадцать лет понадобилось стране, чтобы окончательно погрузиться во тьму беззакония. 1937 год — эта веха вместе с 1918 годом для Солженицына решающая. Еще в начале XX в. русские писатели много размышляли о так называемом «дионисийском начале» жизни. В нашей действительности оно проявляется, по Солженицыну, в непрерывных взаимопревращениях палача и жертвы. Сегодняшний палач может завтра стать жертвой, жертва едва ли не всегда готова стать палачом. Отсюда — процветание всеобщего доноительства, слежки друг за другом. Доноительство и есть основная форма соучастия граждан в преступлениях государства против своего народа.

Эта книга не стала бы истинно великой, не отразилась в ней авторская судьба. Когда вся страна втягивалась в пучину страха, в атмосферу коммунистического мракобесия, Солженицын, оказавшись в тюрьме, с пеной у рта поначалу защищал марксизм и доказывал, что Сталин лишь искажил гуманистическое ленинское учение. Трехтомная эпопея о мучительном прозрении преданного фальшивым идеалам человека стала главным трудом А.И. Солженицына.

Писатель создал специальный фонд в Швейцарии, куда направлялись все гонорары от публикации «Архипелага» в разных странах. Деньги из этого фонда использовались для поддержки политзаключенных и их семей.

Однако власти вовсе не спешили с возвращением, всячески отсрочивая публикацию «Архипелага ГУЛАГ» на Родине. Первой была опубликована брошюра «**Как нам обустроить Россию? Посильные соображения**». Газета «Комсомольская правда» сразу же предложила издать ее тиражом 27 миллионов экземпляров. Это была та самая народная трибуна, о которой писатель мечтал всю жизнь, да и сама работа представлялась ему чрезвычайно важной.

Ведь в ней предсказывался будущий развал Советского Союза и предлагались пути справедливого, по мнению писателя, территориального деления страны и проведения новых границ. Как развивать образование, культуру, экономику, охрану здоровья, как постараться избежать национальных распрей — вот о чем писал здесь Солженицын. Чрезвычайно ответственно отнесся он к этой работе:

■ ■ ■ «Наконец, и сам *язык* статьи. Нельзя отдаться затрепанному газетному языку, к которому уже так деревянно привык советский читатель политической литературы. Пишу сочнее и ярче, в духе того волнения, без которого нельзя говорить о сегодняшней советской обстановке, — и слишком увлекся выразительностью лексики. „Мы на последнем докате“ — настолько катастрофичным уже тогда казалось и мне, как многим, состояние страны, — я еще не предполагал, какие же запасы развала нам предстоят».

Однако слишком сильны были стереотипы прежнего мышления, и работа Солженицына не получила должного внимания. Более того, тогдашний лидер страны М.С. Горбачев заявил, что Солженицын в своих «соображениях» выступает как сторонник монархии, хотя в тексте об этом не говорится. Неадекватному прочтению брошюры способствовала и техническая опечатка: в наборе был утрачен вопросительный знак в названии, и тем самым изменилась тональность — с дискуссионной на директивную. Возможно, и это спровоцировало очевидное непонимание идей писателя.

Задержка с возвращением на Родину имела не только творческие последствия для А.И. Солженицына. Многие в стране считали, что, не вернувшись в Россию именно тогда, на рубеже 1980–1990-х, писатель опоздал включиться в активную политическую жизнь и обрек себя на роль затворника.

Спустя почти 15 лет А.И. Солженицын объяснял случившееся так:

■ ■ ■ «В России и прежде — а в нынешней заверти особенно — влиять на события, вести их может только тот, в чьих руках поводья власти. И для всякого — и для меня, если б я сейчас нырнул туда мгновенно, — единственный путь повлиять — пробиваться к центру власти. Но это мне — и не по характеру, и не по желанию, и не по возрасту.

Так — я не поехал в момент наивысших политических ожиданий меня на родине. И уверен, что не ошибся тогда. Это было решение писателя, а не политика. За политической популярностью я не гнался никогда ни минуты.

Вот если бы „Обустройство“ обещало переменить страну — то немедленно! для самого этого Обустройства.

Однако оно прошло непринятым, ненужным.

Чего не достиг пером, того горлом — не наверстать».

27 мая 1994 г. «вермонтский затворник», как называли Солженицына на Западе, окончательно вернулся в Россию. Перед репатриацией писатель завершил свою многотомную эпопею «Красное колесо», посвященную трагическим страницам русской истории XX в. Возвращение Солженицына стало важнейшим культурным событием в новой России, актом признания демократических преобразований в стране. Проехав на поезде по всей стране, от Владивостока до Москвы, Солженицын видел толпы приветствовавших его людей, искренне ликовавших по поводу возвращения выдающегося русского писателя. А.И. Солженицын пытается участвовать в общественной жизни, выступает в парламенте, ведет цикл телепередач. Он по-прежнему не допускает возможности сотрудничества с коммунистами, но и реформы президента Б.Н. Ельцина решительно осуждает, как и раньше, постоянно критикует власть. В сентябре 1995 г. был закрыт цикл телепередач Солженицына на канале ОРТ. Писатель так и не стал союзником власти, более того, отказался принять главную государственную награду — орден Андрея Первозванного.

В журнале «Новый мир» печатались его литературно-критические эссе о Е.И. Замятине, В.С. Гроссмане, Е.И. Носове, Ю.М. Нагибине и других писателях, открывавшие их творчество с неизвестной прежде стороны.

Огромный общественный резонанс вызвал двухтомник А.И. Солженицына «Двести лет вместе». В нем писатель высказал свой взгляд на 200-летнюю историю взаимоотношений русского и еврейского народов. Публицистический пафос этой книги основан на собственных исторических изысканиях писателя. Однако ученые-историки не приняли историческую концепцию этой работы, обвинив писателя в заведомой предвзятости, в намеренном игнорировании тех источников, которые противоречили его взглядам. Не оставляет А.И. Солженицын и собственно литературного творчества, опубликовав несколько «двухчастных» рассказов, начатых еще в Вермонте, а также книгу воспоминаний «Угодило зернышко промеж двух жерновов», ставших своеобразным продолжением книги «Бодался теленок с дубом».

Владимир ВОЙНОВИЧ

СПРАВКА

Прозаик, сценарист, драматург, публицист Владимир Николаевич Войнович родился в 1932 г. в Душанбе (Таджикистан). В мае 1941 г. с отцом переехал в Запорожье, потом жил в Ставропольском крае, в Куйбышевской области, в Вологодской области, в Крыму, в Москве. Работал пастухом, авиамехаником, инструктором райисполкома, редактором на радио. Полтора

года учился в педагогическом институте. В армии начал писать стихи, затем перешел на прозу. Первая повесть «Мы здесь живем» увидела свет в журнале «Новый мир» в 1961 г. Затем были опубликованы рассказы и повести «Расстояние в полкилометра», «Хочу быть честным», «Два товарища», «Владычица», «Степень доверия». В 1962 г. принят в Союз писателей. Одну из рекомендаций ему дал Виктор Платонович Некрасов, в 1974 г. также оказавшийся в эмиграции (в Париже). В 1968 г. за правозащитную деятельность и сатирическое изображение советской действительности в романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» подвергался преследованиям.

В 1974 г. исключен из Союза писателей СССР. В декабре 1980 г. принужден эмигрировать. Жил в основном в Германии, некоторое время — в США. За границей опубликованы книги о Чонкине, «Путем взаимной переписки», «Иванькиада», «Шапка», «Москва 2042», «Антисоветский Советский Союз», остроумные пьесы «Трибунал» и «Фиктивный брак». Произведения Войновича переведены на 30 языков. С 1993 г. писатель живет в Москве.

Владимир Войнович, один из самых ярких современных сатириков, активно включился в литературную жизнь перестроечной России. Большой общественный резонанс вызвали его новые романы «Замысел», «Монументальная пропаганда», и особенно скандальная книга «Портрет на фоне мифа». В ней В. Войнович пытается объективно проанализировать эволюцию общественно-политических взглядов А.И. Солженицына, а также определить место писателя в истории русской литературы. Хотя иные критики упрекали Войновича в предвзятости, многие поддерживали саму идею искреннего эссеистического выражения своей позиции и своего мнения о литературных событиях последней трети XX в.

Владимир Войнович — автор знаменитой «Песни космонавтов» («Заправлены в планшеты космические карты...»), которую Хрущев вдруг запел на всю страну на Мавзолее во время чествования первого космонавта Юрия Гагарина.

Сама высылка писателя сопровождалась драматическими обстоятельствами: в один день умерли родители его жены, сам он испытал тяжелый приступ болезни сердца. Формально он выехал по приглашению Баварской академии искусств. В Германии его и застал указ Л.И. Брежнева о лишении советского гражданства.

Писатель за словом в карман не полез: «Я Вашего указа не признаю и считаю его не более чем филькиной грамотой, — отвечал он в открытом письме Л. Брежневу. — Юридически он противозаконен, а фактически я как был русским писателем и гражданином, так им и останусь до самой смерти и даже после нее.

Будучи умеренным оптимистом, я не сомневаюсь, что в недалгом времени все Ваши указы, лишаящие нашу бедную родину ее культурного достояния, будут отменены».

В 1991 г. специальным указом М.С. Горбачева гражданство В.Н. Войновичу было возвращено.

Во многих отношениях пророческим оказался его роман «Москва 2042» (1987).

Один из героев книги — Лешка Букашев. Бывший «шестидесятник» (так принято называть интеллигентов, чья творческая активность была окрылена атмосферой «оттепели» ранних 60-х годов, связанных с окончательным, как тогда казалось, развенчанием культа личности Сталина), он становится и генералом КГБ, и «Гениалиссимусом», правителем выдуманного В. Войновичем утопического государства. Именно Букашеву принадлежат размышления о советском народе:

■ ■ ■ «Друг мой, о каком народе ты говоришь? И вообще, что такое народ? И есть ли вообще разница между народом, населением, обществом, толпой, нацией или массами? И как назвать миллионы людей, которые восторженно бегут за своими сумасшедшими вождями, неся их бесчисленные портреты и скандируя их безумные лозунги? Если ты хочешь сказать, что самое лучшее, что есть среди этих миллионов, это и есть народ, то тогда ты должен признать, что народ состоит всего из нескольких человек. Но если народ — это большинство, то я тебе должен сказать, что народ глупее одного человека. Увлечь одного человека идиотской затеей намного труднее, чем весь народ».

Воспользовавшись «космопланом», другой герой этого романа — Виталий Никитич Карцев отправляется в будущее, на 60 лет вперед. И что же он видит? Светлое будущее провозглашено в одном, но подлинно коммунистическом городе — Москорепе, Московской ордена Ленина Краснознаменной Коммунистической республике. Правящая здесь Коммунистическая партия государственной безопасности — КПГБ — объявила одним из своих основателей Иисуса Христа. Так писатель предсказывает смыкание ортодоксально-коммунистических и церковных деятелей, присвоение большевистской идеологией канонов православия.

Пародирование из приема превращается в романе Войновича в структурообразующий принцип, становится ключом к постижению писательской эстети-